

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

МОСКВА, ИЮЛЬ 1925 г.

№ 26 (135)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Цена 15 коп.

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа.

ГОСТЕПРИИМНАЯ АНГЛИЯ

ТЮРЬМА

ЧЕМБЕРЛЕН:—Очень желательно, чтобы Коминтерн выехал из Москвы. Если остановка за помещением, то мы предоставим Коминтерну вполне надежное помещение...

Тов. ХАЛАТОВ.
(Шарж. К. Елисеева).

Председатель о-ва „Долой парикмахеров“.

СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ.

(Комчванский рассказ).

Против партдисциплины, конечно, нельзя. Но только, если у меня имеется тактическое разногласие, то я должен сначала доказать партии свою правоту и, в общем и целом, осторожно высказать точку своего зрения. Поэтому я пошел прямо к завучраспредом и откровенно, по-товарищески, изложил ситуацию:

— Снял бы ты меня, сделай милость, с секретарства в ячейке! Я-б, например, на хозработу перебрался бы... Ты не подумай, что тут с моей стороны какая-нибудь зловонная отрывка или шкурный уклон: нет, просто, не в состоянии я теперь.

— То-есть, почему ж это так?—откровенно, по-товарищески спросил завучраспред.

— Долгая музыка, если рассказывать... Но я расскажу. Дело в следующем: сомневаюсь я насчет нового этого курса на вовлечение беспартийных, и вообще. Очень сомневаюсь! Актив беспартийный, пассив: цельная, одним словом, бухгалтерия беспартийная, но только каков-то будет баланс?.. Нет, лично я с предубеждением отношусь...

— То-есть, как это так?—спросил завучраспред.

— Очень просто. Буду говорить со всей откровенностью. Во-первых, куда ты их, чертей, не вовлечешь, потому что мелкобуржуазная прослойка, а, во-вторых,—на кой чорт? Отсталая масса с удушливыми отрывками прогнившего быта! Чего от них ждать, кроме как затхлых отрывков с демагогическим выкриком?.. Им только дай волю! Не знаю я их?.. Мы кровь проливали, а они... Ну их, возжаться с таким бараклом! Ты не подумай, что тут с моей стороны какие-нибудь командные отрывки из военного коммунизма, но...

— Не отрывки, а комчванство!—сказал завучраспред.— Очень скверное, товарищ, комчванство. Ты сперва поработай с беспартийными, заинтересуй их, подойди поближе, научись действовать убеждением и примером,—вот тогда мы с тобой и поговорим!

Против такой категоричности, конечно, не пойдешь. Но такие необоснованные слова полоснули меня, надо признаться, как ножом в спину революции. Рассмеявшись горько, я сказал:

— Неужели ж ты думаешь, что я не работал? Слава богу, извиняюсь за отрывку, целый показательный опыт имею! И открытые собрания ячейки устраивал, и всячески вовлекал в активность.

— Ну, и что же? Не вовлекаются?—спросил завучраспред.

Но на это, конечно, я только махнул рукой.

— Если бы не вовлекались!.. Очень даже вовлекаются и проявляют активность. Но прямо скажу: трудно с ними! Черезчур уж активные. Нежелательный, говоря между нами, выходит оттенок.

— Бузят, что ли? Антисоветскую линию ведут?—спросил завучраспред.

Но на это я возразил:

— Если бы антисоветскую!.. В таких случаях очень просто возможно и одернуть. А что ты будешь делать, когда они на партийную точку становятся и резолюции XIV парт-

конференции—наизусть? Мало того: с сочинениями Ленина вполне ознакомлены! Постановления профсоюзных съездов цитируют! На статьи «Правды» ссылаются! На иного прямо злоба возьмет: да почему же ты, чорт, не в партии и не в агитпропе, когда от тебя такие слова?..

Тут завучраспред откровенно сознался, что он окончательно ничего не понимает. Я же, снисходительно рассмеявшись, пояснил:

— Да неудобно ж, товарищ... Беспартийному—ему отрывки должны быть свойственны, а никак не партийные слова и резолюции! Отрывку и простить ему можно: что ж с беспартийного спросишь?.. Но если ты беспартийная сволочь, то как же ты берешься про партконференцию рассуждать и из вождей слова приводить наизусть? Ленина как смеешь цитировать?.. Нет, говоря между нами, надо бы раз навсегда запретить бы им это самое! Что ему, беспартийному, следует знать, то он всегда от партийного докладчика может услышать в освещении,—а про остальное пусть не касается!..

Тут завучраспред меня приостановил и вторично высказался насчет возмутительного комчванства. И опять это было мне—как ножик в спину революции, так что я не сдержался, вздохнул и выложил со всей откровенностью:

— Эх, какое тут комчванство, товарищ! Ситуация такова: не комчванство, а затруднительность в общем и целом... Чтоб на высоте стоять и беспартийным запросам соответствовать, очень уж нужно подтягиваться! На одних нотах высоких нынче никак не сыграешь: тоже приходится и резолюции, стало-быть, знать, и всякое прочее... А ты говоришь,—комчванство!..

Против партдисциплины, конечно, нельзя. Пришлось оставаться в секретарях и подтягиваться на высоту. Грызу зубами, можно сказать, гранит ленинизма, историю партии изучаю и тому подобное. Мало того, профграмоту даже подчитываю, верите ли, и азбуку коммунизма прохожу! Слово какая-нибудь беспартийная совбарышня, прости господи,—извиняюсь за отрывку дурмана.

Грамен.

ИСПОВЕДЬ ГОРЕ-ЮМОРИСТА.

С тех пор, как волею судьбы
Зачислен в юмористов лоно,
Я зарабатываю хлеб
Изготовлением фельетонов.

Смешить людей нетрудно всем,
Но юмористу — труд чертовский,
И я, как белка в колесе,
Верчусь в редакциях московских.

Увы! Верчение не впрок.
Я зол, обижен и взволнован.
Мой фельетон на двести строк
Неумолимо забракован.

Но я слезой не оросил
Мое расширенное сердце.
То, что бракует «Крокодил»,
Возможно тиснуть в «Красном Перце».

Бегу на Дмитровку, туда,
Где лестница в подвал уходит.
Сказали здесь: подходит, да,
Но... «Перец» больше не выходит!

Сик транзит gloria!.. Но, ах,
Не с мертвеца-ж авансы цапать!
И я спешу трамваем «А»
В «Веселый», «Ядовитый» «Лапоть».

Пятипудовый секретарь,
Скользнув по мне крестьянским взглядом,
Мне говорит: «рассназец—старь.
Мы отравляем свежим ядом».

Ну и денек! Хоть ляг и плачь,
Но плачем делу не поможешь.
Я пулею лечу в «Смехач»,
Чтоб услышать одно и то же.

Оттуда, потен и уныл, ...
Как проклятый людьми острожник,
Я брел в «Военный Крокодил»
И в бессеребрянный «Безбожник».

Кончался день. Колело в бок.
Мой путь усыпан был крапивой.
Я ковылял на «Огонек»,
Неутоленный «Красной Нивой».

Я тихо брел—усталый вол,—
Готовый грызть сухую корку,
И лунатически зашел
В универсальную «Вечорку».

Не даром ноги приволок,
Я увенчал себя наградой:
Мой фельетон на двести строк
Двухстрочной приняли шарадой.

Смешить людей не трудно всем,
Но юмористу—труд чертовский.
И я, как белка в колесе,
Верчусь в редакциях московских.

Исповедник Архип.

САПОГИ.

Сам я есть писатель в штатной должности журналиста по исходящим, и грамотность во мне чуть-чуть пониже выше-среднего, но по причине, что яти с десятиричкой отменены, то ничего, спасибо советской власти,—обохожусь, каллиграфия же моей руки начальству приятная, тем и держусь и, спасибо, три штатных сокращения благополучно миновал, только-что фунтиков на семь в телесном состоянии сдал... Но это, между прочим,—пустячок и не про меня главный разговор, а главное дело тут выходит в главных же наших лицах, в правителях, каковые на заво-замовых постах скоромничают.

Ну-с, вот-с. Учреждение у нас, что твой ноев ковчег; каковых только общих отделов с административными под-отдельчиками, с хозяйствами и с пошивочно-починочными мастерскими у нас нет.

И самый главный наш начальник таковой через это забронированный, что обыкновенным просительским глазом его и не увидишь. Да и как до него доберешься, ежели тут такое докладное чистилище с инстанциями, что—тьфу!

Первым делом секретарь административного отделения весьма вами поинтересуется — что вы есть за личность и каковых общественных взглядов на хле-

бозаготовку с пушшиной, и состояли-ли под советским судом, а ежели нет, то почему? Затем будьте добры анкетку на сто тридцать два вопросика заполнить и пожалуйста на randevу с заведующим административным отделением, каковой в порядке очередной записи передаст вашу анкету в общий отдел, где люди очень занятые. Когда же, доставшись в главнейшую инстанцию, с правом на самоличный прием у семейшего, или, в крайности, у его зама, то оказывается, что главнейший с замом отбыли в срочную командировку на лоно зеленеющей природы, и временно их заменяет зам-завзама, каковой своим внутренним делом свыше горла занятый.

И вот-с, про это дело. Оно-то и содержит главную особенность моей служебной повести.

Зам-завзама, поднятый из административного низу, теперь так восчувствовал свою главнейшую должность, что аж вспотел от своей значительности. Так-с, ладно-с. Нажимает он на все звонки и вызывает к себе «лично-срочно» двух сапожных мастеров из вверенной починочной мастерской. Таковые незамедлительно прибыли, а временный-то главенствующий ботинку с собственноручной ножки скидывает и объявляет:

— Желательно мне, чтоб сапоги-шевро и чтоб лично-срочно...

Те:—слушаем-с, ваше главенство, сей

секунд обмерим и в двухсуточный срок—все будет исполнено!

Прямо вам доложу — побросали в починочной все заказы, каковые чинами пониже, и—всей мастерской зам-завзаму сапожишки сколачивают.

А временно-главенствующий на месте ерзает, курьеров гоняет туда-назад:—Ну, как? В каковой стадии сапожки? Скоро-ль примерка?

Запыхались курьеры: — Вот-вот, ваше главенство! Уж голенищу обточили, к головкам подшивают, уж...

... И сорвалось...

Несвоевременно прибыли зав с замом, сутки одни не догуляли, на половинной пошивке застряли сапоги.

И—шабаш.

Починочная мастерская — она к начальственным переменам чуткая: вернулось главнейшее начальство, — стало быть, временное главенство уж не того... не шишка... А посему — отложить срочность пошивки, не велик барин, обожжется, тут и без него работ хватает... Сапоги, в случае чего, — прикончить в порядке очереди...

А какой «порядок»-то очередной — известно: в прошлом еще годе сапожки были срочно начатые, срочно та срочность оборвана, и по сей день еще пошивка продолжается.

Л. Митницкий.

Венгерское правительство задержало на границе транспорт лошадей, отправляемых в СССР на с.-х. работы. (Из газет).

Рис. Ив. Малютина.

ЛОШАДИНАЯ МЕЧТА.

— Мы, тебя, лошадь, не можем пропустить в СССР. Ты, небось, для Буденого предназначена?
— Эх! Твоими бы устами, да воду из Дуная пить...

СЕМАШКО КУПАЕТСЯ.

Рис. Бор. Ефимова.

(Дружеский шарж).

— А кипяченая-ли здесь вода?

УЗНИК ЗА РАБОТОЙ.

„Дружеловскому, фабриканту документов Коминтерна“, тюрьма не страшна: слишком ценит буржуазия его „работу“.

Из газет.

Узник рьяно работает,—верно,
Предвещая грядущий поход:

— ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН КОМИНТЕРНА
НА ТЕКУЩИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ГОД.

— Выслать экстренно к рифам в Марокко

Агитаторов лучших миллион,

Перекрасить их в сапогах „Мокка“

На арабский и риффский фасон.

— Три собора взорвать, не зевая.

— В Польше повел пустить под откос.

— Срочно также взорвать и Матайя,

Начиная ему порохом нос.

— Против „Таймса“ поднять население.

— Перевешать монархов штук пять.

— Вновь в Японии землетрясение

Крайне спешно организовать...

Так работает пан Дружеловский,
Он в тюрьме свой повесит-ли нос.
Ноль на этот товарец шельмовский
Есть в Европе огромный спрос!

Д. Долов.

Ежемесячный научно-популярный журнал.

„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

знакомит читателей с новейшими достижениями современной науки и техники, особенно в области электрификации, радиостроительства и радиолюбительства.

Подписная плата на 1 месяц отдельно от „Рабочей Газеты“—50 к.

Подписка принимается в Главной Конторе „Рабочей Газеты“. Москва, Тверская, 3.

СИСТЕМА ТРЮКОВ.

Рабочим сах. завода «Коллективный Труд» зарплату выдают исключительно ордерами в кооператив.

(„Правда“).

Оплата труда при помощи потребляемых рабочими товаров по-английски называется «Трюк-систем».

(Из политич. экономии).

Мохнаткина я знал, как испытанного, сто-процентного пролетария, и поэтому был очень удивлен, увидев его за прилавком мелочной лавки.

Он, Мохнаткин, сидел на пустой бочке с видом «своего человека» и, сдвинув картуз на затылок, справлялся в какой-то записке.

— Та-ак...—сказал Мохнаткин, — как-будто все. Значит, спичек вам доставлю, муки маленько и этого... какаш.

— Будем ждать, — солидно подтвердил лавочник, — будем ждать. Нам этот товар антиресен. Вы уж не задержите...

— Что вы, что вы! Чай не впервой! — тут Мохнаткин повернулся и узнал меня, — ба! Кого я вижу! Ну, как делишки? Где торгуете?

— Вот оно, — с горечью подумал я, — за-еда! Такого парня среда заела. «Где торгуете?» Бытие определяет сознание. Он уже не мыслит себе существования вне торговых операций... И это крепкий, неподатливый пролетарий. Чего же ждать от менее твердых элементов?

Мы вышли вместе.

— Ну, что слышно? — осторожно спросил я, — говорят, на «Красном Пистоне» подняли производительность?

— Как же, как же. На 30%. А по некоторым цехам и до 40,—ответил Мохнаткин.

— (Ишь ты, видно, не совсем потерял связь. Интересуется парень своим бывшим заводом). Что вы говорите? Это приятно. А как, работает этот, как его... ну, еще бородавка у него около носа в виде добroletского значка?

— Пентюхер? Работает. Он теперь помощник заведующего третьим корпусом.

— Да, да, да... (Совсем в курсе дела парень. И такого человека разложило!) А главбухом теперь кто?

— Третьего дня приказом утвержден Шприц, Семен Максимович. Помните, из учетно-счетной конторы?

Я был поражен. Быть до того в курсе дел завода, что знать третьегодние указы, и в то же время...

— Н-да... А кто же теперь занимает должность... должность...

— Один секунд, — сказал Мохнаткин, — я сейчас...

И подошел к превшему на солнце палаточнику:

— А что, хозяин, вам карамели не надо?

— Может, и надо,—какая карамель.

— Обыкновенно какая, — сразу приняв деловой тон, ответил Мохнаткин, — моссельпромский ассортимент № 9—15, центросоюзовская с начинкой. Есть украинских фабрик.

Хозяин и Мохнаткин сосредоточенно наклонились над той же мохнаткинской бумажкой.

— Сибирского экспортного... 5 кило... Чаеуправление № 15/а... 2 ящика... в оригинальной упаковке слышалось минуты три.

Затем Мохнаткин последний раз уверил палаточника в своевременной доставке и присоединился ко мне.

— Про кого вы у меня давеча спрашивали? Директором сейчас попрежнему Таратайкин...

— О, Мохнаткин, — воскликнул я, — как дошли вы до жизни такой? Ведь вы же были всегда честным пролетарием! Уйти с завода, чтобы заняться гнусным торговым посредничеством,—этого можно было ожидать от кого угодно, только не от вас!.. Неужели вас засосало?..

— Ничего меня не засосало. А вот вы, видно, здорово насосались. С чего это вам вздумалось, что я ушел с завода?

— То-есть, как с чего? А ваши посреднические операции, свидетелем которых я только-что был?

Мохнаткин сплюнул. Покачал головой. И сразу сбавив тон, обратился ко мне:

— Эх, вы! Не узнавши броду, прямо в воду... Что-ж мне теперь делать, ежели на заводе жалование нам выдают ордерами на кооператив? Который месяц наличных не видали... Вот и приходится. А вы: разложение, отрыв!.. Еще неизвестно, кто разлагается. То-то и оно.

— Так вот в чем дело? Ну, и трюк, знаете! Ни за что не угадаешь.

— Именно трюк. Так это и называется поученому: трюк-систем. Система трюков. Жить-то надо, ну, и трючишь по лавкам...

В. Ардов.

ВИАЛЫ В БОК

КОНЬ О ЧЕТЫРЕХ НОГАХ, И ТОТ...

Предвика села Борисова, Нижегородского уезда и губернии, Балябин сдал базарную площадь своему собутыльнику Якунину без всяких торгов за 2.000 руб. Коневодное товарищество давало 3.200 р. Конечно, что за сосед — коневодное товарищество? Лошади — они, небось, не пьющие, компании не составят. Вот только государство кемного потеряло на этом деле, ну, да, разве это всем важно?

ДЕРЖИ УФО ВОСТРО.

Администрация уездного финотдела г. Васьегонска, несмотря на строящую инструкцию о бдительности охраны, заставляет караульных в служебное время писать патенты, заниматься нумерацией, шнуровать квитанции, документы, книги, топить печи и т. п.

Как много работает охрана УФО, и как мало работает там же охрана труда!

ЕЩЕ О ВРЕДИТЕЛЯХ.

Уполномоченный профсоюза работников земли и леса, Усовской волости, Глазовского уезда, Уральной губ., отсылал членские взносы в профсоюз и в кассу взаимопомощи не в союзные кассы, а в земотдел. Последний тратил их на уничтожение саранчи.

Удивляется, наверно, саранча: что за несправедливость? Профсоюз Разземлеса занимается истреблением вредителей, а сам у себя держит такого уполномоченного.

ВСЕ 24 УДОВОЛЬСТВИЯ.

Клуб Рабиса г. Перми, устраивая в честь революционного праздника вечер в местном дворце труда, действительно «озаботился обо всем».

«Если вы мыслите потанцевать до 3-х часов ночи, Дворец Труда к вашим услугам.

«Если вы желаете маскироваться, — получите призы.

«Если вы желаете справить именины, — пожалуйста во Дворец Труда.

Мы знаем, кто лучше всех был замаскирован на вечер, устроенном клубом Рабиса, — это был дворец труда, замаскированный под кабак.

А нужно бы в клубе Рабиса устроить клубу октябрины с участием нового правления.

ПОЖАРНЫЙ О-БОС.

24 мая вспыхнул лесной пожар на даче Курганово-Шаровка, Якимовской волости, Смоленской губернии. Команда, находящаяся в 3 верстах, быстро была оповещена, но явилась через 3 часа, пешком, бо-сиком, с одним топориком на 18 человек. По ликвидации пожара без участия команды, начальник последней, Д. Кулехин, потребовал 25 рублей за труды.

Не только один топорик имеется на 18 человек пожарников, есть еще одна большая дубина. Неизвестно только, нужна ли она в пожарном деле.

ПО ПОВОДУ ПАРТИИ.

Каждый день пожарные Лефтортовской пожарной части режутся в вышибалочку и орла, а также в карты. После игры (играют на деньги) поднимаются страшные скандалы. Играют и члены месткома, и члены партии.

Не хорошо, лефтортовцы; только вы червонного туза на стол шибанули, а тут тревога. И партии кончить не дадут, и из партии могут... того...

ОБОРОТИСТЫ ЗАВКООП.

В городе Краснококшайске, Марийской автономной области, председатель горрабкоопа, т. Гаев, напек на Пасху так много куличей с надписью «Христос Воскрес», что через три недели они все еще продаются.

Чем же виноват Гаев, что житель нынче пошел нерелигиозный? Не Гаев в этом виноват: кабы его воля, то, может, и антирелигиозную пропаганду запретили бы... Подрыв в коммерции из-за ней!

ВЕРНЫЙ ПРОИГРЫШ.

На заводе «Двигатель Революции» в Канавине, вот где лафа:

— «Рабочие во время работ занимают-ся тем, что разыгрывают вещи».

К сожалению, неизвестно, кто счастливы, которые выигрывают. Можно было бы их поздравить.

Но зато досконально известно, кто все время проигрывает. Это—производительность труда.

Хорошо бы кому-нибудь за нее, беспризорную, отыграться.

Во Франции большой спрос на русскую клюкву.

(Из газет).

ВОТ ТАК КЛЮКВА!

Рис. Ю. Г

— Хороша клюква! Жаль только, что очень красная. Цвет неудобный...
— Для вас можно в сахаре обвалить, будет белая.

АЙ, ДА КОМСОМОЛЫЦЫ.

(Из протокола № 6 заседания комсомола ст. Устежной (Кубань)).

- С л у ш а л и:
1. По нэпу.
 2. О клубной работе.
- П о с т а н о в и л и:
1. Теснее сплотиться с капиталом и спеть Интернационал.
 2. Купить гармошку и исключить т. Ножкина за не клубное на-строение.

Ребята, видать, там все с настроением,—и петь любят, и гармошку любят. Одним словом, веселые. Только, вот, с капиталом хотя сплотиться... Это уж, пожалуй,—«сверх программы».

ЗВОНАРИ.

прислали «Крокодилу» вот такой документ:

«В СИК СТ. ПОПУТНОИ.

Ввиду наступления времени звона к вечерне, сообщите, нет-ли препятствий к звону.

Члены прих. совета: Кудрин, ИВАНОВ.

РЕЗОЛЮЦИЯ: Повремените до 5 часов. Предик: (подпись)».

„Резолюция Крокодила“.

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он!

САПОЖНИК БЕЗ САПОГ.

Жалуются «Крокодилу»:

«В Кизеле», при окрлесничестве, местком все-работземлеса помещается в сарае, который вот-вот рухнет. Работать в таком помещении невозможно».

Когда сарай рухнет, тогда обратитесь к са-харникам; может быть, они вам отпустят лесу для постройки.

ДОСТУКАЛСЯ.

Владимирский Губпрос выдал библиотекарю Торчинской избы-читальни профсоюзный билет, в котором написано:

«Муравьев, Викторий Ионов, год рождения 1906, пол—девица».

Тяжело работать в Губпросе!

НОВОБЫТНОЕ.

„На ст. Зуево-Пермской ж. л. была вечеринка по случаю женитьбы комсомольца Широкова.

На вечеринке пьяный предместкома ст. Зуевка, Буров, ругаясь, срывал кресты с цепочками у присутствующих женщин. При этом кричал:

— Я коммунист, что хочу, то и творю!.. Забыл, бедняга, что в контрольной комиссии не один коммунист, а несколько—и уж, наверно, тоже захотят что-нибудь сотворить.

ЗУБЫ НА ПОЛКУ.

Плохо приходится в летнее время безработным Московского губотдела союза пищевиков. Еще бы, когда там висит вот такое объявление:

«Ввиду отпуска заведующего кассой безработных—выдачи авансов в счет пособия за июнь не будет».

Это еще ничего. А вот, что будет, если заведующий кассой уйдет не в отпуск, а в отставку?

Сам, бедняга, попадет в безработные, а пособие-то получить и не сможет: не у кого получить, ввиду отставки заведующего кассой...

НЕ БЕЗОПАСНЫЕ СПИЧКИ.

«Крокодилу» сообщают:

«В Сормовском Ц. Р. Кооперативе всегда дают сдачу спичками. Мелких денег там никогда нет».

Спички хоть и безопасные, но если с ними так обращаться, как сормовский кооператив, то может кому-нибудь и нагреть.

ОПАСНЫЙ БОЛЬНОЙ.

Если поедете в Нижний-Новгород, то непременно захватите с собой термометр. Спасибо вам скажут тамошние больные и медперсонал:

«В терапевтическом отделении Нижегородской больницы имени Семашко на 50 человек больных нет ни одного термометра, и только недавно один больной на свои собственные деньги купил термометр».

— Спасибо больному, выручил Нижегородский губздрав, а то ему, бедняжке, — хоть ложись и помирай. Теперь, по крайней мере, он измерит себе температуру.

1) Ночей не досыпает.

2) Прием у него неограничен.

3) В церковь он не ходит.

МАЛОПОЛИТГРАМОТНЫЕ.

В календаре Госиздата, на листке 22-го мая 1925 года, под рисунком, на котором изображены карета и стража, стоит подпись: «Арест вождя парижской коммуны Марата».

При составлении календаря на следующий год хорошо бы Госиздату пригласить какого-нибудь пионера. У него, вероятно, имеются более достоверные сведения о Марате.

НЕВИДИМКА-СЧЕТЧИК.

Многие сотрудники райисполкома г. Тайго, Томской губернии, соблазнившись вот таким об-явлением:

«Универсальный чудо-счетчик. Дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов автоматически с быстротой чтения глаза. Высылается немедленно. Заказы и деньги направлять по адресу: «Москва, Издательство «Украинский Экономист», ул. Герцена, 10—31»,—

послали по указанному адресу деньги, но вот уже прошло 2 месяца, а счетчика нет и нет.

И не будет. Если даже и имеется такой «чудо-счетчик», то он необходим самому «Украинскому Экономисту». А то кто ему будет считать присылаемые добрыми людьми деньги?

ПО ПОСЛОВИЦЕ.

Две тысячи рабочих Бакальских рудников, на Урале, остались без газеты, благодаря тому, что откликнулись на призыв Златоустенской «Пролетарской Мысли» и начали выписывать газету через ее контору. Дело там поставлено из рук вон плохо.

Сапожники, как известно, всегда сидят без сапог. Кто же это выписывает газету через газетную контору, тем более, что там, очевидно, сидят не газетчики, а те самые люди, о которых в пословице говорится.

НУ, И КОНТРОЛЕР.

Сотрудник Бийского ОНО (Алтайской губ.), Киселев, ехал по служебным делам 10 мая на пароходе «Жорес» из Бийска в Барнаул. Он зашел к приятелю в каюту из 3-го класса во 2-й выпить чаю. Вошедший контролер потребовал уплаты 15-ти рублей и, в ответ на протесты Киселева, ткнул пальцем на выставленные правила, подписанные царским министром 13-го июля 1907 года.

Очевидно, контролер ослеп, и тычет не туда, куда нужно. «Крокодил» зато зрячий, и ткнул, куда следует. Прямо в контролерский бок.

ДЫШИТЕ И НАСЛАЖДАЙТЕСЬ.

В обязательном постановлении №5/7 Бийского горисполкома, от 5-го мая, есть замечательный пункт:

«Вывоз нечистот разрешается производить во всякое время дня и ночи, кроме улиц Советской и Льва Толстого, где разрешен вывоз нечистот только с 10 вечера до 7 утра».

У нас по прочтении этого постановления закралось смутное подозрение, что где-то, на Советской улице, помещается Бийский исполком, или в крайнем случае, квартира его председателя. У него, должно быть, обоняние нежнее и тоньше, чем у обитателей окраин.

ЮМОРИСТЫ В МИЛИЦИИ.

Много природного юмора у милиции Дмитриевского и Благодатского районов, Сталинского округа, Донецкой губернии. Вот образцы их протоколов, стилю которых могут смело дозавидовать лучшие сатирики наших дней.

... «Я, надзиратель милиции Дмитриевского района, Федулов, нашел: на основании показания жены потерпевшего Васильевой, Мавры, что ее муж, Задорожный, ходил к вдове К. и обратно бросал последнюю, а также у гр. К. найдена лопата, где замечаются брызги крови и, по слухам, гр. села Григорьевки, что якобы труп гр. Задорожного, будучи еще живым, 17/V, в ночь, гулял у гр. Додонова, по сему и постановил и т. д.

А вот еще, почище:

«... Я, зам. нач. милиции Благодатовского района, Подзолов, рассмотрев материал по делу убийства грозным электричеством гр. Причина, Павла Гордеевича, нашел следующее: во время сильного дождя, 19 мая, гр. Причина шел по улице, где появилась молния, и гр. Причина сразу упал на землю и, когда подбежали граждане, то труп гр. Причина был не действительный, а также установлено заключением врача, что труп погиб от удара молнии...»

(Оба протокола печатаем в извлечениях).

Мы устушаем пальму первенства товарищам милиционерам. Лучше их, пожалуй, никто не напишет.

ПТИЧИЙ ЖИЛКРИЗИС.

На некоторых копиях Черембасса стоят 6 экскаваторов с 1923 года, а также 2 маленьких паровозика. Стоят они под открытым небом и ржавеют. Части валяются в разбросанном виде. Голуби и другие птицы устраивают себе гнезда среди машинных частей.

Ну, и правильно, нельзя, ведь, в самом деле, убрать экскаваторы и создавать среди птиц жилкризис. Птица—существо маленькое, ее обидеть легко. А вот, в Черембассе есть птицы покрупнее — на них «Крокодил» в обиде.

ВРОДЕ НАЧАЛЬСТВА.

Председатель правления клуба № 6 на Черемховских копиях, Шишкин, купил три пугача для сцены клуба. Употребляет он их на улице, созвав своих приятелей и треща целый день из пугачей в воздух.

Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало; пока плачут рабочие денежки. А скоро, пожалуй еще кое-кто заплачет.

О ЖАРЕ ВООБЩЕ И В ЧАСТНОСТИ.

На ст. Прохладной уже 4 месяца, как нет кино. Артель безработных, содержащая кино, принуждена была его закрыть из-за непосильных налогов, наложенных Риком. Местные крестьяне и рабочие лишены единственного культурного зрелища.

На ст. Прохладной и отношение к культработе тоже прохладное. Нужно бы такой кино-трюк выкинуть, чтоб на ст. Прохладной кое-кому жарко стало.

РАДИО-ХРОНИКА

дома № 187, по Скотопрогонному переулку. Под злыми взглядами дворника, С прошлого вторника, Мальчишки на крыше Копошатыся, как мыши. Хотят непременно... Чтобы вышла антенна, «Как у Миши».

Жилец из квартиры третьей, На лестнице встретив Управдома Петрова, Заметил сурово: — Ну, ну!

Вы мне испортили всю волну! Антенна ваша, конечно, сильней, — Но погодите, мы справимся с ней! Не стройте, пожалуйста, рожи. Что? Ах, так! Хорр-р-рошо же!

В доме был слух, Что двое старух (Квартирантки из двадцать второго) Купили приемник себе И к самоварной трубе Протянули длиннейший провод. И будто бы здорово вышло: Все слышно!

Конторщик Иван Семенов в воскресенье Справлял день рождения. Собрались девицы — Целый букет. Хотят веселиться, — А музыки нет — Нет вокруг балалайки простой! И вот Семенов, Иван, Сунул трубку в стакан пустой И поставил в ведро стакан... Поразились окрестные жители: Громче громкоговорителя. Заиграла трубка в стакане, И под звуки «Аиды» Веры, Мани и Лиды Танцовали, смеясь, па-д'эспани. И лишь под утро, с большим трудом Уснул наш радио-дом.

Вас. Лебедев.

ПО ЧЕРЕПАШЬЕМУ ПРИМЕРУ.

Отчет союза совторгслужащих шел по почте из Гомеля в Новобелицу 27 дней. Расстояние между этими пунктами 5 верст. Так же скверно получаются и газеты. Тамошняя почта смотрит, наверное, на черепаху, как на недосыгаемый идеал в отношении быстроты передвижения. Интересно, как на это смотрит Гомельский округ связи?

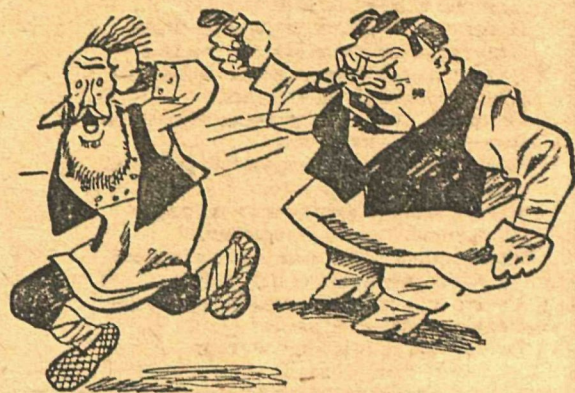
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

4) Противника всегда убеждает
вескими доказательствами.

5) Каждую крестьянку берет в работу.

6) Бедняку всегда готов указать выход.

ВРЕДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ.

В комнате секретаря союза, за секретарским столом, сидят трое: сам секретарь, председатель месткома и представитель администрации.

Секретарь чем-то слегка взволнован. Администратор сидит спокойно, сложив на животике руки: всем своим видом он до чрезвычайности напоминает уснувшую китайскую богородицу, хотя возможно, что такого опиума и не существует. Предместкома — дылда с узким лбом и маленькими тусклыми глазками раз навсегда, до скончания века, уверен в себе, в своей правоте и в непогрешимости своих взглядов. Голова у него толкачом. Тусклые глазки время от времени поблескивают гневным удивлением.

— Да нельзя же так, товарищи! — мягко возмущается и протестует секретарь союза. — Не имели вы права сокращать эту Крышкину. Общее собрание почти единогласно выбирает ее в местком, — и сейчас же после этого вы ее сокращаете! Ну, мыслимое ли дело!..

Предместкома резко подается вперед и впивается глазками в лицо секретаря:

— То-есть, это как же так — не имели права? Что же нам остается, если есть она, по нашему мнению, вредный элемент? «Общее собрание выбрало!»... А вы бы спросили лучше, как это так могло оно ее выбирать, когда этой кандидатуры и в предложенном списке не было, и администрация на нее не согласна!

— Мы на Крышкину несогласны, — невозмутимо подтверждает представитель администрации. — С нами даже и не согласовывали, чтобы Крышкину выбирать. У нас даже и не спросили.

Секретарь тяжело вздыхает:

— Ффу ты, господи!.. Да откуда вы взяли, что список кандидатов в местком нужно согласовывать с администрацией?.. Этого еще не доставало!

По неподвижному лицу администратора расплывается легкое облачко недоумения.

— Ну, а как же не согласовывать? — удивляется он. — Ведь, с месткомом-то нам же придется дело иметь! А если состав месткома для нас нежелательный, то мы и считаться с ним не можем, с месткомом с таким.

— Не с Крышкиной же, в сам-деле, считаться! — сердито подхватывает предместкома. — Определенно вам говорят: разлагающий, вредный элемент. Сами не знаете, за сволочь какую заступаетесь! Известна вам Крышкина?..

— Нет, не известна. Но...

Предместкома самодовольно и примирительно усмехается:

— Вот то-то, что не известна! А от нее всегда одна демагогия и полный подрыв авторитета. Во-первых: недавно на общем собрании бросила в лицо местному обвинение в бюрократизме и в волоките, — из-за каких-то там нерассмотренных заявлений... Прямо при всех бросила, желая дискредитировать власть в лице профессионального органа. Затем, недалеко ходить, на последнем собрании: высказывает вдруг с беспартийным предложением обсуждать список, предложенный бюро ячейки, и голосовать персонально. Это, по-вашему, как?..

— Мало того: против него, вот, отвод заявила! — вдруг оживляется и тычет пальцем в сторону предместкома представитель администрации. — Товарищ был вполне согласован с администрацией и с бюро, как секретарь нашей ячейки, а она: «это, мол, неудобное совмещение, и работать ему в месткоме некогда»... Ну, форменная, одним словом, демагогия, а в результате — Крышкина чуть-чуть не попадает в местком.

Секретарь недоумевающе раскрывает рот:

— Виноват... Как, то-есть, «чуть-чуть»? Ведь, ее же выбрали?..

— «Выбрали!»!.. — победоносно ухмыляется предместкома. — Так мы же не маленькие, товарищ! Не говоря уж, что мы ее сократили, — выборы-то ведь мы аннулировали-ж!

— Час от часу не легче!.. Да что же вы делаете, товарищи?..

— Что надобно, то и делаем. Согласованный с бюро кандидат не проходит, проводится вредный элемент, а мы будем молчать? Я тогда же на собрании заявлял, что вся буза ихняя понапрасну, и что свой список мы все равно проведем. Бузи, не бузи, а дискредитировать авторитет бюро мы им не позволим: уж будьте спокойны!..

Секретарь союза слегка краснеет. Затем слегка бледнеет. Затем говорит, стараясь не волноваться и не повышать голоса:

— Вот что, товарищ... Выборы, разумеется, будут утверждены, и сокращать Крышкину никто вам не позволит. Что же касается вредных элементов, то... я указал бы вам на вредный элемент, да вы все равно не увидите.

— Хм! Почему-ж это, например, я не увижу?.. — обижается предместкома.

— Зеркала нету здесь! — вздыхает печально секретарь. — Было бы зеркало, — подошли бы и увидели!..

Предместкома гневно смотрит на секретаря и затем, недоуменно и растерянно, — на администратора.

Администратор недоуменно смотрит на предместкома — и встает со стула.

— Что ж... — невозмутимо бормочет он: — тут, значит, не понимают. Ну, хорошо: этого дела мы, все равно, не оставим!

Предместкома тоже поднимается с места и грозно доканчивает, поблескивая маленькими глазками:

— В другом месте, товарищ, придется поговорить! А уж своего мы добьемся. Увидим тогда, полагается ли вредных элементов отстаивать!

Но на лице и того и другого, кроме грозного выражения, появляется, разливаясь до глаз и ушей, выражение огорченности, смущения и... и, пожалуй, испуга.

Ник. Ивансв.

В СУДЕ.

— Скажите, поддудимый, какую роль вы играли в этой истории?

— Ну, какую же роль, товарищ судья, вообще личность может играть в истории?

Глядят со стены голубые обои
С розовыми цветочками.
Портреты вождей в высохшей хвое
Покрылись черными точками.
Рядом с Лениным — в толстой раме
Девушка в венчальном наряде
И надпись: — «Милым папе и маме
В день моей свадьбы. От Нади...»
Паром плывет самоварная туша,
Штопором пар завернулся.
Стол. На столе — пирамида ватрушек.
Вечер. Чай затянулся...
Чайник, покрытый гарусной курицей
Прыгает на канфорке.
Лысый отец благодушно шурится
Над фельетоном «Вечорки»...
Мать вдруг заерзала вся на стуле:
— Брось читать-то! Пей-ка!
И так придется лететь, как пуля,
Ведь у тебя — ячейка!
Отец усы задумчиво вытер:
— А... не пойду я... Ладно!
Опять об этом... о новом быте
Какие-то там доклады!..

Вас. Лебедев-Кумач.

ТУДА, ТУДА, ГДЕ ЛИМОНЫ ЗРЕЮТ.

В киосках Госиздата,
в Сибири, много книг о
виноделии и разведении
яблок, которые не ра-
стут в Сибири, и т. д.
(Из газет).

Павлу Васильевичу Страничкину представилась деревня в виде огромного котла, куда можно засунуть чорт знает сколько книг, и все равно будет мало.

Павел Васильевич был человек добросовестный и всякий раз спрашивал у заведующего складом:

— Сергей Сергеевич, как, по-вашему: в Тюмени подойдет «Как разводить красные розы»?

— А где этот Тюмень?

— Там, в Сибири.

— Ну, конечно, конечно, посылайте. Это все-таки даст возможность хоть немножко украсить их однообразную, холодную жизнь. Вообще, читатель — он все слопает!

— Слушаюсь... А «Как выкармливать белых медведей»?

— Это хорошо бы куда-нибудь на Украину или Белоруссию... И мало ли еще куда? Раз надо книгу продвигать, так двигайте! Читатель, — он все...

Через пять минут добросовестный Павел Васильевич советовался с помзавом:

— «О разведении апельсинов» для Калужской ничего?

— Сойдет! Читатель рассуждать, что ли, будет? — ответил помзав.

— А «Выращивание страусовых перьев»?

— Валяйте! О чем тут спрашивать? Вы, может, еще у читателя будете спрашиваться?..

После этого у Павла Васильевича работа закипела без всяких сомнений и вопросов.

Летели «лимоны» в Тамбовскую, «винные ягоды» — в Омскую и «клюква» — в Бухару...

«Вот, дорогие граждане-читатели, теперь, когда увидите в киосках Госиздата Тулы брошюру «Как разводить мамонтов», а в киосках далекой Сибири — «Как разводить черепаший гребешки», — вы уже не удивитесь. Вам все будет понятно.

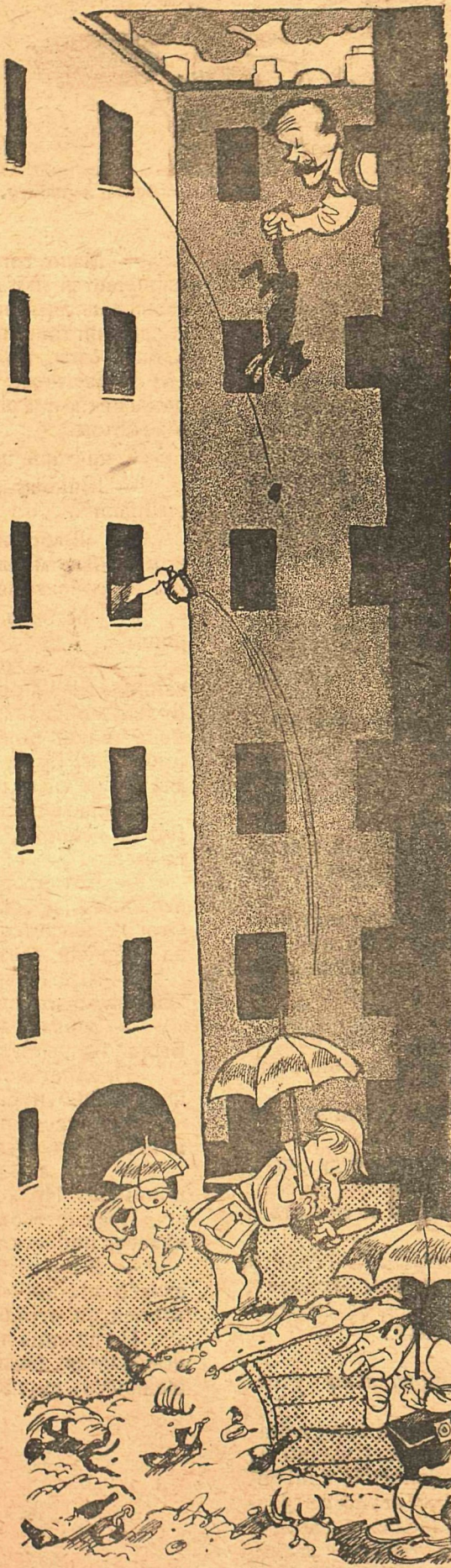
А вот те голубчики, которые не читают журнала «Крокодил», будут стоять у этих киосков и ахать, разинув рты.

И пусть. Так им и надо.

Б. Л.

В Москве произведено массовое санитарное обследование. Население активно оказывало помощь обследователям.

Рис. К. Ротова.

— Чего вы, товарищи, там роетесь в помойке? Не занимайтесь пустяками, заходите прямо к нам в общежитие... (бросает дохлую кошку).

— Пять лет дома-то не был, — говорил испитой человек, смотревший в окно вагона. — Уж и не знаю... Чи живы, чи... того...

При этом испитой человек сдвигал фуражку со лба на затылок и обратно, растерянно улыбаясь и, видимо, находясь в тревоге, искал у слушателей сочувствия.

— Как же ты, мил-человек, почтовой связи не держал? — откликнулся один из пассажиров. — Кто дома-то остался?

— Жена, — ответил тот, улыбаясь кривой улыбкой, — детей двое... Полный комплект! Утерил связь в процессе революционного брожения, по причине частых передвижений...

— Ужли-ж за пять лет ни разу на одном месте не сидел? — спросила женщина с ребенком, недоброжелательно покосившись. — Попросту жену-то, чай, бросил...

— Это бывает... Что верно, то верно... — зевнул хлебобоб. — Наплодят, скажи на милость, и поминай, как звали...

Испитой человек обиделся.

— Это вы, гражданин, по несознательности, не учтя разницы культурного уровня.

— А ну-те с уровнем! — отозвалась женщина. — Для чего же назад-то едешь?

Человек побегал глазами, подвигал фуражку и, наконец, нашел нужное выражение:

— Имею намерение восстановить порванные семейные связи и отдать силы на просвещение потомства в духе строительства... Иль для меня кусок хлеба не найдется? — тревожно спросил он вдруг. — Как я есть муж и отец своих детей и возглавляю семейный очаг...

— Я бы, — сказала женщина, — будь я свонная жена, такой бы ему кусок хлеба... А пять лет к чему пропадал?

— А ежели я, к примеру, есть социальный элемент, способный сгореть на огне движения, а моя жена, по случаю деревенской отсталости, пребывает в неграмотном состоянии? Тогда как? Принестись в жертву личной трагедии?

На остановке пассажиры видели в окне его щуплую фигуру, в сандалиях на босу ногу, с маленьким узелком в руках, бредущую со станции в поле.

— То-то, шпана! — сказала женщина. — Вчуже жену-то жалко! Будет еще рада, дура темная...

Сердце испитого человека билось, как мышь в мышеловке, когда он уже под вечер поступал в окно знакомой хаты.

— Аксиныя дома? — спросил он, и голос у него сорвался.

— Ась, — высунулась незнакомая старуха... — Аксиныя? В сельсовете...

Не расспрашивая, он побрел в сельсовет.

— Аксиныю мне бы, — сказал он в сенях.

— Кого? Тов. Жаворонкову? Направо пойдите!

— Кхе! — прокашлялся испитой человек перед дверью, на которой висела надпись «Председатель сельсовета», отчего-то волнуясь и подбирая про себя слова, которые он скажет:

— Пора, — скажет он, — отдать силы на воспитание... Имея в виду твой малокультурный уровень...

«А вдруг она... того... замуж вышла? — подумал он. — От живого-то мужа?»

Но войдя, он увидел то, чего ждал меньше всего и перед чем замужество Аксины было пустяком.

За большим столом сидела Аксиныя, склонившись над бумагами. Она долго всматривалась в него, затем встала, скрестила на груди руки и спросила насмешливо:

— Пришел? Чему обязаны?

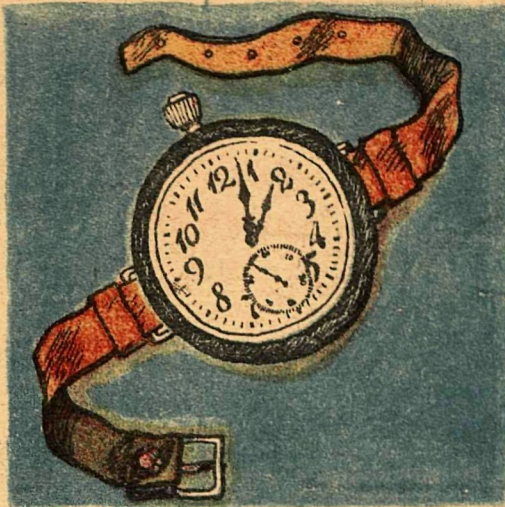
Человек, стоя перед своей женой, председателем сельсовета, вертел в руках фуражку.

— Соскучился! — вдруг произнес он хрипло. — Может, того... по хозяйству подсобил бы? Или погоните?..

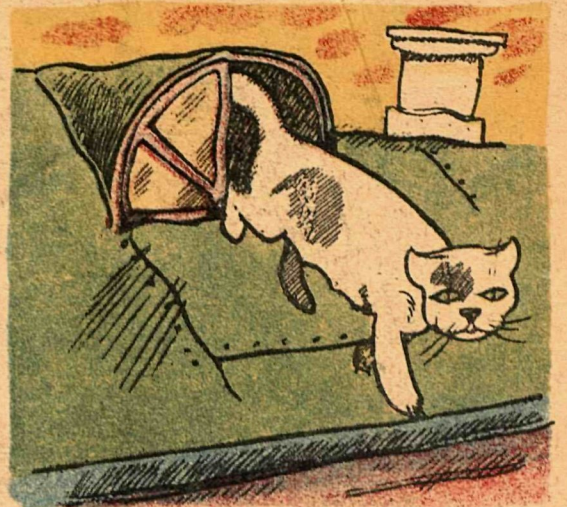
В. Авилов.

Рис. К. Ротова.

Некоторые из наших газет дают в отделах „Новости науки и техники“ сильно научные сведения, не имея к сожалению, возможности иллюстрировать свои сообщения. „Крокодил“ такую возможность имеет и охотно (Охотный ряд № 7) дает необходимые иллюстрации:

1) Машина для измерения времени.

2) Откуда вышла кошка.

3) Аппарат для ловли воров.

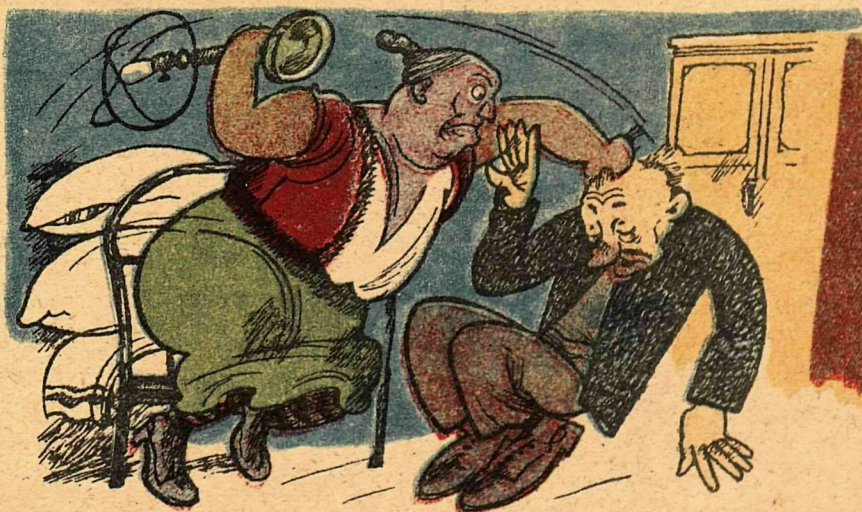
4) Человек без сердца.

5) Воздушная дача (конструкция Муни).

6) Говорящая собака.

7) Лечение алкоголизма электричеством.

8) Добывание серебра из падали.

Рис. Ю. Г.

Учеными при раскопках в Египте найдена рукопись, рассказывающая о целом ряде рабочих забастовок, происшедших более 30 тысяч лет тому назад.

(Из газет).

— Чорт возьми! Неужели уже тогда существовал Коминтерн?

ФУНКЦИЯ.

Вся оказия эта, можно сказать, из-за самой пустяковины получилась, из-за слова одного мудреного. Может, у вас в городе без таких слов ни в каком разе обойтись невозможно, а в селе от них акромья вреда, никакой пользы не предвидится. Вот и со мной из-за такого слова большой конфуз вышел. Как раз на вешнего Миколу сижу я на лавочке около своей избы, вижу—идет мимо сельский секретарь Гришка Вавилин. Остановился и говорит:

— Что же это ты, Прохор Сафронич, на сход не идешь? Там сегодня обсуждение насчет горнизации киператива в порядке дня стоит.

— Ежели насчет киператива, то это мне без надобности,—отвечаю,—потому я элемент. Лавка у меня у самого имеется.

— Это ничего не важит,—говорит он,—теперь другая политика. Прежде, говорит, действительно, ты был элемент, а теперь ты—функция. И можешь, говорит, даже в правлении киператива состоять.

Обозвал это он меня функцией и пошел дальше. А я сижу, как статуя бесчувственный, и думаю:

— Дрянное дело! Опять под нашего брата, торгового человека, мину подводят. Уж ежели прежде, когда я в элементах состоял, налогами крыли бесперечь, то теперь, как в функции эти самые попал, совсем крышка мне будет!

Думал я этаким манером, думал—и придумал:

— Ладно, думаю, я сам буду ловчиться, авось как-нибудь выкручусь. Встал и пошел на сход. А там уж давно все односельцы собрались, народу—нетолченая труба. Начал я ловчиться.

— Так и так, говорю, граждане-товарищи, прослышал я, что вы киператив обладать думаете. Дело это неплохое. И вот порешил лавку свою закрыть совсем и послужить обществу. В правление я, хоть и не выбирайте, все равно не пойду, а как я есть спец по торговой части,—заведывающим киперативом согласен.

— Ну, дык что ж,—говорят односельцы,—действительно, спец по торговой части Прохор Сафронич. Пуцай его будет заведывающим.

— А так как одному мне не управиться,—опять говорю я,—то надоть мне помощника. Ежели я уеду за товаром в город, он меня заменять будет. Я бы, с своей стороны, в помощники взял парнишку, моего Акимку. Парень с детства, можно сказать, понаторел насчет торговли.

— Валей, Сафронич,—говорят односельцы,—ежели надоть, бери помощника. Акимку, так Акимку,—нам все единственно.

— А вот только, кто баланцы, граждане, будет подбивать?—спрашиваю я.

— Какие это баланцы?—говорят односельцы.

— А как же,—говорю я,—приход, расход, товары кто будет записывать? Без этого дело не пойдет, это для контроля надобно.

— Нет у нас таких людей,—говорят граждане,—чтобы умели баланцы подбивать.

— А у меня есть,—говорю я,—зять мой Мишка, здорово грамотный, и насчет баланцов этих—спец.

Так дело и порешили. Назначили мне, сынишке и зятю жалованье, дали помещенье, привезли товару, все честь-честью. Как говорится—дела идут, контора пишет. Я в город за товаром езжу, кое-что подрабатываю, сынишка Акимка в лавке не зевает, зять Мишка баланцы подбивает. Через месяц являются уполномоченные от села и спрашивают:

НОВЫЙ „ЗАВ“ ИЛИ УПЛОТНЕНИЕ МОСКВЫ.

I.

В учрежденьи новый „Зав“...
Побледнел весь личсостав.
Зав сказал, как палка, прям:
— К чорту «помы», к чорту «зам»,
Регистратор и „помбух“,
Две пишмашки, пять старух,
Пять конторщиц, шесть „спецов“,
По разсылной семь мальцов,
От курьерш до секретарш,
Завтра все на биржу марш!

II.

Сократившись, новый „Зав“
Набирает личсостав:
Из Ростова новый „бух“,
Из Тамбова пять старух,
Две пишмашки из Твери,
Из Орла секретари,
Из Ирбита два „спеца“,
Три курьерши из Ельца,
„Зам“ с „помпомом“ из-под Шуш,
Всех-же вместе сорок душ,
Секретарша лишь одна,
Что с собой привезена.

III.

В учрежденьи стон и мрак,
Старый „Зав“... отправлен в брак.
С треском прибыл новый „Зав“
И нахмурился, сказав:
— Сокращенье проведем:
К чорту „завы“, к чорту „пом“,
Регистратор и „помбух“,
Две пишмашки, пять старух,
Пять конторщиц, шесть „спецов“...

(И т. д., желающие могут начать сначала и продолжать, сколько им угодно).

М. Андр.

— Ну, как дела? Баланцы подбиты?

— Сразу видать,—говорю я,—что вы, граждане-товарищи, не спецы по торговой части. Только месяц торгуем, а вы—баланси! Подождите месяца два-три, тогда все, как на ладони будет.

Ушли уполномоченные, не солоно хлебавши. Торгуем еще недельки две. Потом я, по совести сказать, купил в городе домишко по сходственной цене, открыл там торговлишку и бабу туда свою посадил. Опять машина у меня здорово завертелась, да на грех притащил чорт из города какого-то инструктора. Пришел он в киператив, посмотрел, понюхал и говорит:

— Здорово вы тут развитие киперации делаете! Три месяца торговали, капитал ухлопали, а теперь ни денег, ни товару.

Я было к нему:—товарищ инструктор, я вам все объясню в аккурате. Пожалте ко мне в избу, чайку попьем, закусим малость.

А он сразу нос отворотил:—Не надо мне ваших закусок. Пойду в сельсовет доклад делать.

— Ну, думаю, влопался, как кур во щи.

Вечером зовут на сход. Прихожу на сход.

— Так и так,—говорю,—граждане-товарищи, торговал я всего месяца три, а в три месяца развитие торговли получится ни в каком разе не может, потому—накладные расходы очень огромные. Мне жалованье, сынишке—Акимке—жалованье, зятю—Мишке—жалованье, да поездки за товаром что-нибудь да стоят. Харчи, подводы и прочая микстура. А, акромья прочего, утечка, усушка, сорность и влажность. Подождите еще полгодика, тогда наладим дело форменно.

— Нашел дураков,—загалдели односельцы,—и так обобрал нас в отделку. Все село без порток оставил. Мы думали ты—функция, а ты так элементом и остался. Бей его, робя!

Схватили колья—и на меня. Спасибо, инструктор меня от них кое-как ослобонил. Одначе, с недельку на лечке провалялся. Теперь, люди бают, еще судить будут и на имущество арест наложили.

Уж после я спокаялся, что ввязался в это дело, да ничего не попишешь. А во всем этом мудреное слово функция виновата, с него эта оказия началась. А я, выходит, так элементом и остался. И ребятишки на улице с той поры прохода не дают.

— Эй, дядя Прохор!—кричат,—ты функция, али элемент?

Прямо стыдобушка!

Н. А. Карнов.

В деревенской кино-передвижке показывают чувствительную великосветскую драму.

Бойкий мальчишка дергает отца за рукав:

— Тятяка! А почему они ходят и рожи строят, а не разговаривают?

Отец усмехается:

— Станут они с нами разговаривать—вишь у них сюртуки какие, да браслеты. Известно, буржуи...

Вил.

— Прокофьев, не покупайте учебники в этом магазине. Здесь плохие учебники. Я в прошлом году тут купила—и по всем предметам провалилась.

К.

СПЕЦИАЛИСТАМ ПОЧЕТ.

Когда он пришел наниматься, или, выражаясь технически, просить работы в качестве специалиста по распространению, заведующий издательством принял неприступный вид трамвайного кондуктора и сурово заявил:

— Местов нет, гражданин!

Но гражданин несколько не смутился. Мягко и сочувственно улыбнувшись, он прямодушно сказал:

— Конечно, я понимаю! Но вы,—вы ничего не понимаете! Я ведь не агент какой-нибудь, а спе-ци-алист.

С расстановкой и паузами произнесенное слово «специалист» поколебало уверенность зава.

— Чего же вы хотите от нас?

— Я?—изумился специалист:—от вас?! Я!?!

Зав окончательно сконфузился:

— Я, собственно говоря, полагал, что... Впрочем... Итак, вы говорите...

— Да! Пятсот в месяц и тантьему. С оборота процентов 10. Не бойтесь, я себя не обижу. Это, конечно, на первое время. А там—посмотрим.

Зав оглянулся, как бы заранее смотря на это грозное «там», откашлялся и совсем уж тихо и умильно произнес:

— Конечно, конечно. Но... вот в чем дело... У нас тираж... И распространение... Не так уж хромают...

— У меня была безногая собака, товарищ!—извинительно заявил специалист:—так, представьте себе, совсем не хромала. Обе, то-есть, все четыре ноги ей отрезало. И покойник был знакомый,—тоже не хромал, царство ему небесное!

— Но, позвольте...—дрожащим от обиды голосом перебил зав.

— Все, что хотите, но этого—не позволю. Отцу родному не позволю! Чем вы заинтересовали читателя и подписчика? Чем?

— Что же вы-то предлагаете?—с нескрываемой уже горечью спросил зав.

— Я? Что я предлагаю? Вы слышите, товарищи,—он спрашивает, что я предлагаю?!

Товарищей никаких в комнате не было, но на грозный оклик специалиста просунулась голова секретаря издательства:

— Звали, Афанасий Петрович?

— Да!—подтвердил специалист:—присядьте! И... впрочем, подождите!

Секретарь присел.

— Вы знаете роль прессы в деле поднятия производительных сил страны?—внезапно спросил специалист.

— Как же, как же: вся агитация и пропаганда... Кроме того, и... как говорится, «на суд рабочих», «охрана труда, загляни сюда», «не склад, а свалка», «куда смотрит завком» и прочее. Понимаю, конечно!

— Вы бы еще добавили,—сейте разумное, доброе, вечное!—ядовито заметил специалист:—боже мой, и такие архаические личности сидят, так сказать, у печатного кормила!

Специалист повысил голос. В комнату просунулось еще несколько сотрудников. Запахло широким совещанием.

— Итак, товарищи!—начал специалист:—мы говорим о распространении. Прежде всего—заинтересовать, но без убытка для издательства. Это—первое и основное положение. А для достижения сего существует только один путь,—конкурс! Вы объявите: каждый из наших подписчиков и вообще из граждан нашего Союза, собравший подписку на триста экземпляров нашей газеты и первый представивший деньги в контору, получает... Ну, там все равно, что! Конечно, не обиделись, которая всем надоела, не трактор какой-нибудь, а что-нибудь захватывающее, например... живого слона! Каждому лестно, каждому хочется! Заменяет пять лошадей или один трактор, вообще редкость, и еще—слоновая кость! Что же происходит? Всякий хочет быть первым, ибо всякий хочет получить живого слона. Будем считать, что у нас всего населения 130 миллионов. Каждый принимает подписки на триста экземпляров, и сразу тираж вырастает до недостижимой для буржуазных изданий цифры в тридцать девять миллиардов экземпляров! Понимаете?!

Гигандность цифры подавила присутствующих. Чувствуя свое ничтожество, жужжавшая на окне муха быстро слетела.

— Тридцать девять миллиардов экземпляров! Понадобится не менее двухсот пятидесяти тысяч ротационных машин! Каждая машина занимает в длину не менее четырех саженей, следовательно,—все машины установятся на протяжении двух тысяч верст. Чтобы не затруднять движения пассажирских поездов, вам придется строить свою собственную магистраль длиной в тысячу верст, по обоим сторонам—машины! А бумага? Свыше 40.000 вагонов бумаги ежедневно,—тысяча поездов с бумагой и столько же поездов с газетой! Вы представляете теперь роль печати в деле повышения и развития производительных сил страны? Это вам не «охрана труда, загляни сюда». Далее. Вам, конечно, известно, что с повышением тиража падает себестоимость? Как же она должна упасть при таком тираже? Упасть настолько, что издательство получит возможность не только бесплатно рассылать газету, но даже давать каждому подписчику денежную премию рубля в три-четыре в месяц. Вы понимаете, что тогда, при сохранении основной премии за триста подписок,—тогда каждый даст уже не триста, а три тысячи подписчиков, то-есть тираж повысится до трехсот девяноста миллиардов экземпляров! Население всего земного шара будет работать на нашу газету, население всей нашей планеты будет от нее зависеть. Буржуазные правительства рухнут, как карточные домики,—наша газета завоеует весь мир. Мы открываем отделения на Марсе и в других местах, захватываем всю солнечную систему!!!

Голос оратора поднялся до истинного пафоса. Он выдержал паузу и просто сказал:

— Завтра принимаюсь за работу.

Однако, ему не дали пятисот рублей в месяц и тантьемы с оборота в 10%. Но...

... Дали четыреста пятьдесят и 3%.

Вл. Павлов.

ЗЯБКИН ВАСИЛИЙ

Весьма потрясенный нанесенным мне завдомом Шпулькиным Яковом оскорблением, форма коего заключалась в следующем:

т. е., что я, жилец управляемого дома Зябкин Василий, есть вроде как бы «политический аппендицит», такие его подлинные слова, которые при напечатании прошу подчеркнуть,

т. е., что я, Зябкин, в РСФСР не есть гражданин, а вроде как слепая кишка у человека, которую, т. е. меня, Зябкина, будто можно изъять из употребления посредством операции, согласно опыту науки, не только без ущербления организма, а вроде даже как для процветания оной,

то я вхожу с покорнейшим ходатайством. Гражданин Редактор газеты, для напечатания обо мне личного моего, Зябкина, показания на предмет ниспровержения выставленного против меня Шпулькиным Яковом обвинения,

каково Шпулькина, до выяснения обстоятельств, умышленно гражданином называть отказываюсь, о чем прошу также при напечатании сего пропечатать литерами потолка прочего содержания статьи, дабы знал Шпулькин, что и на него найдется управа. А он пускай меня привлекает. Мировой, в случае чего, разберет.

II.

Первое, что я, Зябкин, хоть и отношусь к сословию элементному, так как я есть бывший царский сослуживец на коронной службе, но зато без всякого чина по причине неуспешности моей в образовательных цензах,

второе, что я, Зябкин, народом не гнушался никогда, а даже, напротив, чему имеются доказательства в большом выборе, как-то:

моя женитьба на особе простого происхождения, с коей я семейственно проживаю в границах законной жилплощади. И зовут ее Варварой.

И также занятие ее, коим мы совместно кормимся, — работа больше по специальности уборки и стирки по разным домам и натурально по-денная, а не, как говорится, домашне-кустарная.

III.

Далее.

Завдом Шпулькин, по казачьему своему происхождению, о чем известно мне из домовой книги, заменив коня и пашку острым сквернословием, размахивает им, словно в сражении на поле брани. И, главное, про меня:

будто я такой и сякой, во-первых,

будто я на все способный, во-вторых,

и что я будто аппендицит, да еще политический,

и что занятие мое, между прочим, покрыто мраком неизвестности, и что, по примеру испанского короля Альфонса, живу на иждивении женской особы Варвары,

и еще всякое разное и обильное.

То опять же заявляю, что никому неизвестно, откуда сия панорама с точки зрения общественно сложившегося положения. А, может, мы с Варварой наши отношения согласовали на почве товарообмена, как я есть мужчина видный, а Варвара таких же надобностей женщина.

Гут все очень просто, как наука про экономику, которая, как известно, печатает даже свою газету и книгу.

Почему сию главу прошу напечатать подробно для просвещения народных масс нашего пятиэтажного дома.

IV.

В-четвертых, и в последних: что излагает уже главную интригу: Во-первых:

За что Шпулькин громогласно подозревал меня в несочувствии и даже критике существующего строя?

Про это скажу всенародно, как перед богом, что ко всему, касаемому до Власти, я стал привыкать еще со Св. Пасхи 1924 года, и сейчас, ровно как свой. И про религию даже не рассуждаю: как она признана дурманей, то противное доказывать не берусь.

А что я про 17-е октября да про 1-е мая пророчествовал неподходящую для сих высоких торжествований погоду, то только из сочувствия, а не со злорадством, потому что насчет погоды не только двенадцатые, но даже Святая Пасха и Троица не обеспечены,

что, как говорят, вполне доказано даже материалистической наукой. Вот какие мои настоящие рассуждения.

V.

А посему покорнейше прошу сочинение мое с изложением пропечатать в газете, для оправдания моего через печать, с сохранением размеров указанных литер и колера.

На оплату чего прилагаю марки установленного образца на общую сумму 21 коп. серебром. Ибо кому же мне жаловаться на Шпулькина, как на шестой Великой Державе, т. е. печати?

Прошу принять мое почтение к газетной печати.

С писательским приветом (подпись).

Доставил Гарм. Вечора.

Рис. И. М.

КООПКРЫСЫ.

— Ты детка, ничего не жри здесь, кроме укусной эссенции—только она безвредная.

Остальное—липа. Отравись к чертовой матери.

32

9302

358

БЛИЗОРУКИЙ.

Рис. Ив. Малютина.

— Скучно мне в деревне... Нет здесь широкого поля для деятельности.
— Чудак! А разве это поле не достаточно широко?